

Филипп Сократес

Проклятие Геры.
Самосская война.

Сумерки на Пниксе. Часть 1.

Филипп Сократес

**Проклятие Геры.
Самосская война.**

«Автор»

2026

Сократес Ф.

Проклятие Геры. Самосская война. / Ф. Сократес — «Автор»,
2026

Самосская война 440 года до нашей эры. Первая в жизни молодого афинянина Эвриптолема. На эту войну было призвано много афинских граждан. Слишком много. Возможно, стратеги Афин опасались близких к Самосу персидских берегов. Или они уже осознали силу своего флота и торопились показать её Элладе на примере маленькой победоносной войны. Но после этого похода многие граждане в Афинах стали считать войну не очень опасным занятием. Об этом они после горько пожалели. В душе же Эвриптолема навсегда остался шрам от прикосновения бога войны Ареса. Небольшой конфликт, описанный Фукидидом и Плутархом. Трагик Софокл и философ Мелисс сошлись на поле боя. Молодой Критий спорит о природе демократии. Поиски единого Сущего в библиотеке Мелисса. Туннель Эвпалина и Герейон. Богиня Афина против матери Геры. Первая часть художественной серии «Сумерки на Пниксе» о Пелопоннесской войне, навсегда изменившей Элладу. Золотой век Афин — глазами современника Сократа и Еврипида. И первая трещина в его фундаменте.

© Сократес Ф., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Филипп Сократес

Проклятие Геры. Самосская война.

Пролог

Белоснежная колесница пересекла финишную черту священного олимпийского ипподрома, опередив остальных на целый корпус. Тысячи зрителей приветствовали её оглушительным рёвом. Утерев горячую пыль и солёный пот с лица, возница — молодой рыжий фракиец — широко улыбнулся белыми зубами и повёл колесницу вдоль рядов. Зрители вдоволь могли насладиться видом четвёрки вороных фессалийцев, пританцовывающих и храпящих, ещё не остывших от скачки, — а заодно оценить золотые украшения упряжи, колёс и корзины.

— Теперь всем в Элладе понятно: победа в этих скачках говорит лишь о богатстве хозяина колесницы, а вовсе не о его мужской доблести, — громко, чтобы его слышали многие, сказал спартанский царь Агесилай, когда глашатай объявил победительницей Киниксу, его сестру.

Сощурившись — то ли от яркого летнего солнца, то ли от удовольствия — он рассматривал дорогих лошадей, ловя осторожные взгляды соседей. Всем было ясно, кто дал деньги честолюбивой девице на эту победу: спартанцам по их законам запрещено участвовать в Олимпийских играх.

— Всё было бы иначе, если бы хозяин сам управлял колесницей, а не поручал это рабу, — ответил его спутник, судя по длинным бороде и волосам, тоже спартанец.

— Это слишком опасно для нынешних аристократов. Ради славы дразнить Аида были способны только их древние предки, — поучительным тоном сказал богато одетый старик, коринфянин поговору, и поднялся с дорогого места в первом ряду. За ним остальные зрители стали покидать ипподром, направляясь в приятную прохладу — летнее солнце уже начинало припекать.

— Во времена моей молодости аристократы ещё были на это способны, — с вызовом ответил коринфянину другой старик. Говор выдавал в нём жителя Аттики. Коринфянин ничего не ответил — будто не расслышал.

— А сколько же тебе лет, что ты помнишь такое? — с интересом спросил задиристого старика спутник Агесилая.

— Много. Скажу только, что я ещё воевал под командованием Перикла, — проворчал тот.

Спартанский царь Агесилай, услышав певучий аттический говор, презрительно ухмыльнулся и принял из рук раба чашу холодной воды. Выпил и поднялся со скамьи, собираясь уходить.

— Перикл умер лет сорок назад. Не слышал, чтобы в те времена кто-то сам правил своими конями на скачках, — не унимался спутник Агесилая. Уходить он, похоже, не собирался.

— Я правил, — сказал старик и посмотрел спартанцу в глаза.

— И кто же ты, афинянин? — спутник Агесилая спокойно и с интересом принял вызов.

— Эвриптолем, сын Мегакла.

— Эвриптолем... Не ты ли защищал стратегов после Аргинус? Я был на том суде, — глаза спартанца загорелись. Он заговорил быстро и горячо — слишком быстро и горячо для спартанца. — Наверное, тебе есть что рассказать. Ты ведь родня Периклу и Алкивиаду. Хвала Аполлону, что привёл меня к тебе. Мне очень нужно, чтобы ты рассказал всё, что помнишь.

— Если я начну рассказывать всё, что случилось со времён Перикла, мы застрянем здесь до следующей Олимпиады. Хотя я никуда не тороплюсь, — ухмыльнулся Эвриптолем — как и все старики, довольный вниманием.

— Послушай, Эвриптолем. Меня зовут Ксенофонт, сын Грилла, я тоже из Афин, из дема Эрхия, — повернувшись к старику, Ксенофонт говорил с почтением, но, не скрывая волнения. — Если ты никуда не торопишься, позволь пригласить тебя после праздника в своё имение. Оно совсем рядом — в Скиллунте, пара часов ходьбы.

— Ксенофонт... Я читал, как афинянин Ксенофонт вывел десять тысяч наёмников-эллинов из глубин Персии. И не тебя ли изгнали афиняне за то, что ты спутался со спартанцами? Это всё ты? — поморщился Эвриптолем.

— Да, я, — выпалил Ксенофонт, чему-то обрадовавшись.

— Но что за щедрость к незнакомцам? С какой стати? — настороженно поднял бровь Эвриптолем.

— Эвриптолем, — Ксенофонт говорил так, словно боялся, что его оборвут. — Ты ведь наверняка читал книгу Фукидида о последней войне афинян и пелопоннесцев? Скажу одно: её будут читать даже тогда, когда наши кости истлеют. Как Илиаду!

Ксенофонт заглянул Эвриптолему в глаза, словно ища сочувствия, и продолжил тише:

— Но Фукидид умер, и история оборвалась. Я поклялся Аполлону, что закончу её... Теперь собираю рассказы всех, кто что-то помнит о той войне. Расскажи свою историю, Эвриптолем, и я щедро заплачу.

Эвриптолем был явно поражён — таким быстрым преобразованием спартанца в земляка, его рассказом, просьбой и предложением. Некоторое время он молча смотрел на то, как конюхи уводят с ипподрома лошадей, потных от бега и летней жары. Наконец, расслабился и, хитро улыбнувшись, сказал:

— Ну что ж, ладно... Дети мои выросли, а внуков я ещё не дождался. Жене я уже надоел — пусть отдохнёт. Так что торопиться мне некуда. Денег твоих не нужно, но от хорошего вина и доброй охоты не откажусь. Если дашь и то и другое — согласен.

Эвриптолем добродушно усмехнулся и протянул ладонь. Ксенофонт, широко улыбнувшись в ответ, схватил её обеими руками.

* * *

До зимы Эвриптолем гостил в имении Ксенофонта в Скиллунте. И хотя Эвриптолем был намного старше, мужчины крепко сдружились. Ксенофонт, скучавший в глуши по родине и афинскому обществу, окружил гостя особой заботой. А Эвриптолем и правда никуда не спешил. Днями он вместе с Ксенофонтом или его сыновьями охотился в лесистых горах Элиды, а прохладными вечерами, наполнив чашу-килик своим любимым самосским белым, вёл беседы о былом у домашнего очага. К радости Ксенофонта, память у старика была хорошей, а повидал он немало.

Наконец, однажды вечером, увидев, что раб-писарь приготовил жёлтый шуршащий папирус, Эвриптолем вздохнул и сказал:

— Ксенофонт, я обещал рассказать тебе свою историю. С чего начать?.. С моей первой войны. Самоса.

Глава 1

«Помимо Бытия нет ничего»

Парменид

Я начну с Самосской войны. Она закралась в мирную жизнь афинян через народное собрание на Пниксе — принесли её послы Милета, далёкого от нас города за морем.

Мне было тогда двадцать, я только вступил в права гражданина и не пропускал ни одного городского события, в котором мог поучаствовать. Стояловремя зимнего безделья, и оттого собрание было особенно многолюдным.

Два богато одетых милетца стояли под промозглым дождем и жаловались на вероломство соседей с острова Самос. Причиной был какой-то спор, тянувшийся испокон веков. Войну с Самосом милетцы проиграли и просили Афины наказать обидчиков. Как водилось, прошли дебаты.

— Бог войны Арес сшибал фаланги гоплитов для разрешения споров по всей Элладе со времён Илиона. Зачем нам вмешиваться в чужие дела? К тому же ссориться с союзником, у которого лучший флот у берегов Азии, — ошибка, — взойдя на ораторский камень, выступил Каллесхр, почтенный аристократ из рода Кодридов. Но его высокий визгливый голос затих в умеренных криках поддержки.

Каллесхра сменил стратег Перикл — самый влиятельный политик в Афинах и безусловный хозяин Пникса. Толпа затихла.

— Граждане, — громко и чётко произнёс он и сделал паузу, словно дожидаясь, когда слова достигнут задних рядов. — Афины — глава Морского союза и не могут допустить, чтобы его члены воевали между собой. У нас всех одна цель — безопасность моря и защита от варваров. У Афин лучший флот на всех морях. А если Самос или кто-то ещё захочет с этим поспорить — пусть попробует.

Последние слова он произнёс как военную команду, и большинство афинян, одобрительно закричав, подхватило это настроение — впуская в свои сердца жестокий дух Ареса. И я в восторге кричал с остальными.

— Не люблю корабли, — неодобрительно посмотрев на меня, проворчал стоявший рядом со мной отец. — Флот — сборище оборванцев, которые всё время хотят денег. Сейчас самосцы сами кормят свой флот, а если его у них отнять — придётся кормить нам.

* * *

Едва утихли зимние штормы, Перикл повёл шестьдесят триер на Самос. Через месяцот него прибыл гонец, и по призыву стратегов граждане снова собрались на Пниксе.

Гонец рассказал, как Перикл внезапно занял гавань, насильно сместил правящий совет граждан-землевладельцев и передал власть народному собранию острова. Как часть самосских олигархов бежала к Писсуфну, персидскому сатрапу соседней Лидии, и как, едва Перикл оставив гарнизон, повёл флот домой, изгнанники высадились на острове, восстановили власть «немногих» и объявили о выходе из Морского союза. Перикл выиграл морское сражение с самосцами и осадил город.

Над Пниксом повисла тишина.

— Стены Самоса крепки, а город большой, поэтому кольцо осады неполное. Перикл просит прислать подкрепление, — закончил гонец.

На камень взошёл, держа папирус в руке, стратег Формион — один из самых опытных военачальников Афин. Сухой в теле и речах, мне он казался гончей собакой, а не стратегом.

— Граждане. Сейчас мы можем снарядить сорок триер. Если понадобится больше — потребуется время, — развернув папирус и не глядя в него, по-военному кратко отчитался стратег. — Считаю необходимым выступить на следующей неделе.

Его сменил стратег Софокл, автор «Антигоны», потрясшей афинскую публику на последних Дионисиях.

— Граждане! Самосские повстанцы — не просто олигархи, душащие демократический строй. Обращаясь к персам за помощью, они предают мир, Элладу и Морской союз — как троянец Пандар, выстреливший в Менелая во время священного перемирия. Таким нет пощады. Я сам готов повести подмогу Периклу и вместе с ним наказать предателей.

Народ встретил его речь овациями. И я хлопал его речи, как в театре. Вопрос о подмоге был решён единогласно.

* * *

Для меня война началась после празднования Таргелий — когда жители Аттики поднесли Аполлону сок первых плодов кроваво-красной вишни и потом весело мазали друг друга этим соком. Конечно, я встретил войну с восторгом. Теперь настало моё время, и я мог прославиться. По военному рангу, я был гиппеем, но в морской поход всадников не призывали. Поэтому я упросил демарха Деметрия, ведущего дела в нашем районе, записать меня в морскую пехоту. На моё удивление, он сделал это без заминки, даже с энтузиазмом, заменив мной кого-то из списка призывников.

Отец не разделил мой восторг. Помню, как я прощался с ним на поле, где он следил, как конюх Архип выгуливал на свежей весенней траве четвёрку коней, принёсшую отцу олимпийский венок.

— Зря, Эвриптолем. Это не та война, где можно прославиться, — не отрывая взгляда от лошадей, сказал он жёстко — тем же голосом, что давал команды Архипу. Потом, словно одумавшись, посмотрел на меня и добавил уже тоном родителя: — Военная слава слишком дорога, чтобы искать её самому. Береги себя — ты мой единственный сын. Арес глух, он не слышит мольбы. Ему нужна только человеческая кровь. Тебе скоро захочется домой. Это желание поможет тебе остаться в живых.

Мать, прощаясь, сняла с шеи и протянула мне нательный деревянный амулет — древний, обугленный — и сказала, давая слёзы:

— Сынок, носи это. Я буду молить Геру о твоём возвращении.

* * *

Я попал на триеру, которой владел и командовал Лакедемоний — истинный афинский аристократ, Филаид, сын легендарного героя Кимона. Около тридцати лет от роду, он уже водил гиппархом афинскую конницу в поход на Эвбею, и его статуя в честь этого похода красовалась на акрополе. К тому же мы были в дальнем родстве по материнской линии. Но когда я первый раз вступил на палубу его триеры, Лакедемоний не ответил на мое приветствие — лишь холодно посмотрел и отвернулся. Позже я понял причину: отец мой был близок к Периклу, заклятому врагу Филаидов. А тогда я просто осознал, что поблажек мне не будет ни в чём.

Ранним свежим утром из гавани Зея в Пирее, совершив возлияние Посейдону, сорок кормчих повели свои триеры на юго-восток. Командовал флотилией, идущей на помощь Периклу, знаменитый Софокл. Уже немолодой Софокл, хоть и был великим трагиком, отличался беззаботным характером. Большого военного опыта не имел, и почётную должность стратега занимал, скорее, за любовь народа к его творчеству.

Это был мой первый поход, и всё было не так, как я себе представлял. Многие опытные пирейские гребцы тогда либо уже ушли с Периклом, либо зарабатывали на буксировке торговых судов, вернувшихся в Пирей после зимних штормов. Потому триерархи набирали свои команды в очень короткие сроки из разных оборванцев. В основном из патриотично настроенных и шумных оборванцев-фетов.

Это сказалось уже в море. Изнывая на вёслах в утренний штиль и борясь с жестокими полуденными шквалами, многие гребцы только учились ловить, как говорят моряки, «единый вздох» своих триер — когда сто семьдесят вёсел всех трёх рядов взлетают как одно. Без этого

«вздоха» корабль похож на перевернутого на спину жука-скарабея, и кормчие просят подмены каждый час, уставая выравнивать курс.

Первые два дня похода проходили невесело. Неутихающая отборная брань старшин гребцов — хораторов, солёные мозоли на ладонях и ягодицах, сковывающая боль в мышцах, качка, духота и едкая вонь от сотен вспотевших мужчин заставляли притихнуть даже самых шумных крикунов и балагуров.

Но опыт приходил к новичкам с каждым взмахом весла. Да и в каждом экипаже были бывалые гребцы, на которых равнялись остальные. Кормчие знали своё дело, ветер часто был попутным, и гребцы часами отдыхали на своих скамьях. Когда же хоратор призывал поочередно ряды гребцов к работе, над морем под звуки флейты взлетала весёлая песня, угодная Посейдону и помогавшая держать ритм, и отдыхающие ряды подбадривали гребущих. С каждым часом афинское жизнелюбие вытесняло уныние и отупение усталости. Ночные стоянки всегда разбивали на твёрдой суше, чечевичную похлёбку выдавали исправно и вдоволь, и на третий вечер, у костров, несмотря на усталость гребцов, не смолкал весёлый смех.

Пара десятков морских пехотинцев, слоняющихся без дела по триере на свежем воздухе, едва ли внушали симпатии двум сотням гребцов, стеснённых в душном пространстве под палубой. Может, оттого Лакедемоний был так принципиален в вопросах доблести морских пехотинцев перед толпой гребцов. Для молодых гоплитов, вроде меня, он возродил старый и забытый обычай посвящения в военные моряки — выход на таран идущего по ветру корабля. Обычай, который был когда-то популярен среди отчаянных моряков прошлого на невысоких диерах. Но на триерах, ввиду его явной опасности, его предпочли забыть. Но не Лакедемоний. На четвёртый день похода, уже в водах Самоса, я принял это испытание.

Я хорошо запомнил те мгновения. Грело ласковое весеннее солнце. Дул лёгкий попутный ветерок. Меня обвязали верёвкой и вручили её конец такому же, как я, молодому гоплиту по имени Макар. Перемахнув через борт на площадке вперёдсмотрящего, под крики свободных от вахты моряков и гоплитов, я спустился на скользкий, раскачивающийся выступ и оказался один на один с морем. Я побывал после в разных опасных переделках, но страх, который тогда охватил меня, и шёпот бога ужаса Деймоса в моей голове я запомнил навсегда.

Во рту пересохло. Сердце бешено билось. Наверное, целую вечность я крепко обнимал скользкие доски носа триеры, сглатывая солёную слюну и боясь пошевелиться. Наверное, никогда бы от них не оторвался, если бы не услышал среди обидных насмешек матросов возглас Лакедемония, заставивший притихнуть остальных:

— Смелей, Алкемонид! Помни, кто ты!

Его слова подействовали. Я крепко сжал зубы, развернулся и сделал маленький шагок по мокрому прохладному дереву. Затем ещё шагок. Ощувив пальцами правой ноги холодный металл тарана, я раскинул руки и слегка присел, как это делают крестьяне на Дионисиях, вскакивая на мех с молодым вином. Помню, сердце готово было вырваться из груди от смеси ужаса и восторга, когда я полетел над волной, как Персей в сандалиях Гермеса. Когда же я осознал происходящее, дико засмеялся, ловя ртом свежий влажный ветер и ощущая живую мощь корабля подо мной.

Но моё короткое счастье прервал громкий и тревожный крик, прорвавшийся сквозь возгласы одобрения команды:

— Триера справа по борту!

Я увидел, как из-за скалы наперерез нам, работая всеми вёслами, летел чужой корабль.

— Право руля! Вёсла на воду! — прорычал Лакедемоний.

Кормчий налег на руль. Через миг я полетел в ледяную воду. Из отверстий в бортах, словно лапы гигантской божьей коровки, высунулись вёсла — и я понял, что сейчас они пройдут по моей голове.

— На помощь! — заорал я во всё горло.

Не знаю, услышали ли меня сквозь шум тревоги, но Макар бросился к Лакедемонию и успел напомнить обо мне.

— Правый борт табань! Левый поднять вёсла! — скомандовал тот, теряя драгоценные мгновения на разворот.

Вёсла пронеслись над моей головой, затем показалась корма. Я барахтался, хватаясь за ускользающую верёвку, пока Макар не вытащил меня на палубу. Лёжа на досках, я кашлял горькой солёной водой, а вокруг стояли моряки и смеялись. Лакедемоний смотрел на меня сверху вниз. На губах его играла усмешка.

— Ну что ж, Эвриптолем. Посейдон не взял тебя. Наверное, не понравился запах.

Моряки весело засмеялись над старой шуткой и беспечно отвернулись к берегу.

— Всё хорошо. Свои. Это был сторожевой корабль Перикла, — успокаивающе сказал Макар, помогая мне встать. — Самос. Храм богини Геры, хвала ей, — немного торжественно продолжил он, указывая на берег.

И добавил с улыбкой, полной одновременно облегчения и тревоги:

— Прибыли.

Продолжая кашлять, я дрожащими руками опёрся на борт и приподнял голову. Сознание стало прорываться сквозь пелену сковавшего мозг ужаса, и я начал различать вид, которым все любовались. На берегу у бухты с длинным искусственным молот раскинулся город, обнесённый мощной крепостной стеной. На холме неприступной твердыней стоял акрополь. Слева, в десяти стадиях от города, возвышался огромный и величественный храм. Между храмом и городом белели шатры войска, а на пляже сохли триеры.

«Всё как в Илиаде», — промелькнула мысль, как обрывок сна.

Глава 2

Наш лагерь был разбит среди виноградников. Воины вырубili драгоценную лозу, вплели её в осадные щиты, а возделанную землю тысячами ног превратили в пыльную площадь, покрытую шатрами и кострищами. Я смотрел на это с болью, вспоминая виноградники отца в нашем поместье.

Вечером я отмечал прибытие на остров с двумя своими старыми товарищами — Адимантом и Критием, сыгравшими впоследствии немалую роль в судьбе Афин. Весенние вечера еще были холодными. Мы грелись у небольшого трескучего костра, по-походному, на овчинах, брошенных прямо на землю, и вдыхали запах дыма. Мы налили вино, которым угощал нас Критий, в простые глиняные чаши и лишь слегка разбавили его холодной родниковой водой. Это был знаменитый самосский мускат, который, по легенде, создал Дионис, ища примирения с Герой. Мускат был молодым, и еще не раскрыл свой вкус, но нам это было не важно.

Критий играл на флейте, а я пел гимн популярного тогда поэта Алкея. К слову, музы одарили меня неплохим голосом, и я часто участвовал в певческих соревнованиях. Критий же неплохо играл на флейте и вообще был не чужд дарам Аполлона. Когда песня закончилась, Адимант нам аплодировал, и его овации подхватили слушатели у соседних костров. Затем мы долго молча лежали, глядя в бездонную звёздную бездну.

Засыпанное звёздами небо отражалось в безмятежной глади моря. Тысячи огней, зажжённых в лагере, вторили звёздам. Я вспомнил слова какого-то философа о том, что у небесного огня звёзд и этих костров одна сущность. И удивился глубине этой мысли.

— Я бы сейчас предпочёл общество какой-нибудь флейтистки в Пирее, — сказал Критий, блаженно потягиваясь.

— Ничего, скоро вернёмся домой героями, — ответил я лениво.

— Не думаю, что это будет скоро, — хмуро сказал Критий, запуская руку в длинные, на спартанский манер, волосы. — Посмотри на эти стены. Они огромны. И воевать самосцы умеют. Когда мы напали на них из засады у Трагии, они увели весь свой флот, отдав нам лишь транспорты с добычей. А ведь тогда мы должны были их всех потопить.

— Да и что мы тут вообще делаем? — продолжил он после небольшой паузы. В голосе его слышалась досада. — Не думаю, что эта война нас прославит. Мы насаждаем другим власть толпы, как будто это воля какого-то бога, а Перикл — его оракул.

— Власть толпы — это демократия, власть народа? — спросил я, хмурясь от его слов.

Критий присел и поворошил угли. Костёр осветил его узкое лицо.

— В Афинах часто называют чернь народом и всячески ей потакают. А эти люди — как гребцы под палубой. Ничего не видят, кроме спин себе подобных. И слушают хоратора. А ведь тот лишь следит за выполнением команд кормчего.

Критий взглянул на меня.

— Что будет с кораблём, которым командуют гребцы? Он не сдвинется с места. Потому что гребцы единогласно проголосуют за запрет гребли, когда его предложит самый горластый из них, — Критий хрипло рассмеялся.

Я тоже сел, приняв его вызов, так как считал себя демократом.

— Под Саламином афинские корабли разметали огромный флот, подвластный Ксерксу. И никто из гребцов на тех кораблях не сел за весло по принуждению, — парировал я.

— Не смей меня, Эвриптолем. Афинянами руководили аристократы — Фемистокл и Кимон. Они и сумели организовать народ. Без этих вождей толпа разбежалась бы в страхе. Фемистокл и Кимон, как умелые пастухи, погнали стадо коров на стаю волков, — Критий прихлебнул вина и взглянул на меня, ожидая ответа.

— Но стадо, движимое как одно целое, — грозная сила. И в стаде корова чувствует свою силу, как гоплит в фаланге. А в минуты опасности стадо может и не услышать пастуха, но остаться грозной силой, — неожиданно ответил ему Адимант, улыбаясь то ли примирительно, то ли своему остроумию.

— Вот и получается, что стадо может убить своего пастуха. Волки, коровы — какие-то злые сказки Эдипа, — угрюмо сказал Критий, одним глотком осушив свою чашу.

Мы замолчали, глядя на угли. Похоже, вечер был потерян.

— Эвриптолем! Тебя вызывает Перикл! — донёсся среди костров голос посыльного.

Я попрощался с товарищами и пошёл за ним в шатёр стратегов.

* * *

Когда я зашёл в шатёр Перикла, симпозиум был в полном разгаре. Шатёр был хорошо освещён многочисленными лампадами, подвешенными под довольно высоким сводом. Пахло вином и жареным на углях мясом, которое в изобилии лежало перед пирующими. Играли в коттаб.

Софокл, под одобрительные возгласы присутствующих, привстал с ложа и целился в скорлупку ореха, плавающую в большой чаше с водой, стоявшей в центре шатра.

— Это вино посвящаю Хлое, надеюсь, она меня ждёт героем, — громко прошептал он с лукавой улыбкой.

Судя по всему, Софокл был изрядно пьян — движения неловки, глаза блестели, а улыбка застыла на лице, как театральная маска. Вино, которое он плеснул из своего килика, в основном вылилось на его дорогой хитон.

— О Геракл, будь ко мне благосклоннее! — драматично посетовал Софокл, перекрикивая громоподобный хохот пировавших. — И ты, Эрот, не оставляй меня.

Перикл, глаза которого тоже блестели, со своего места крикнул сквозь общее веселье:

— Софокл, скажи, как самый старший, кто сильнее — Геракл или Эрот?

— Я тебе уже говорил, что я самый старший, а не самый старший. Но ответу, хотя это знают даже юнцы. Эрот заставит рыдать Геракла, — громко выкрикнул в ответ драматург.

Увидев меня, Перикл расплылся в улыбке, широким жестом указал на свободное ложе и произнёс своим глубоким голосом:

— Ты прибыл, Эвриптолем. Знаю, что сегодня ты побывал в объятиях Посейдона. Афина тебя бережёт, чего не скажешь о твоём триерархе... Выпьем. Скажи слово в защиту Геракла.

Я сел на покрытые овечьей шкурой доски, принял килик с вином и обвёл взглядом присутствующих. В кругу пиршества на грубо сколоченных ложах, помимо обоих стратегов — Перикла и Софокла — возлежали ещё трое знатных триерархов: Лакедемоний, Геннадий и Аполлоний.

— Выпьем за силу и бесстрашие героев, подобных Гераклу. Именно за них женщины любят мужчин. И пусть слава о наших подвигах, достойных героических предков, тронет сердца самых желанных из женщин, — произнёс я торжественным тоном и, подняв двумя руками килик, выпил его залпом. Выдержанное подогретое вино приятным теплом разлилось по телу и сразу зашумело в голове.

— Какой воин, — чуть насмешливо сказал Софокл. — Сразу видно Алкемонида, потомка славных покорителей Трои.

Он продекламировал что-то из Гомера, затем торжественно добавил:

— А нас всех можно сравнить с древними ахейцами. Так же, как и они, мы переплыли море на кораблях бысролётных к азиатскому берегу и осадили самый величественный город.

Геннадий театрально поднял руку ладонью вверх:

— А ты, Перикл, наш Агамемнон, властитель мужей.

— Тогда и у самосцев есть свой Гектор, — подхватывая тему, негромко добавил Софокл, обводя хитрыми глазами пирующих. — Это Мелисс. А для победы нам нужен Ахиллес.

— Победу под Троей ахейцы одержали благодаря Одиссею, а вовсе не Ахиллу, — шутиливо парировал Перикл.

— Да. И каждая наша триера похожа на коня Одиссея, с воинами в деревянном чреве, — торжественно добавил Геннадий.

— Тогда и кони Самоса ещё на воле, — сказал Лакедемоний — негромко, но достаточно, чтобы все услышали. Казалось, что он вовсе не пил. — И как бы они ни стали конями Диомеда, пожирающими афинян.

— Мы поймаем этих коней и приведём в стойло, какими бы грозными они ни были, — сказал Перикл с торжествующим смехом.

— Стойлом ты называешь Морской союз, Перикл? — задумчиво спросил Лакедемоний. — Мне казалось, что мой отец и справедливый Аристид создавали его ради свободы эллинов.

Все притихли. Перикл выдержал короткую паузу, спокойно и внешне дружелюбно посмотрел в синие глаза Лакедемония.

— Только демократия даёт свободу эллинам. Всем, а не только потомкам героических предков, — сказал он наконец, как можно дружелюбнее.

— Все полисы живут по своим законам, данным им от предков, — ответил Лакедемоний с достоинством. — Чужие законы, какими бы хорошими они ни были, не приживутся, если насаждать их силой. Демократия должна быть добровольной.

— Твой отец, Кимон, никогда не забывал об интересах родного полиса и проводил решения народного собрания, хотя и был аристократом, — сказал Перикл с упрёком старшего наставника. — Ты должен чтить его поступки во благо родины. Они должны быть для тебя примером.

— Я с десяти лет не видел его и знаю о нём лишь то, что мне рассказывала тётка, — в голосе Лакедемония зазвучали гневные нотки. Я вспомнил, как он встретил меня на триере. — Отец, спасая Элладу, не раз приносил величайшие победы на алтарь Афины. А что получил в награду от народного собрания? Изгнание? И управлял этим собранием, как пастух стадом, ты, Перикл.

— Поклонники враждебной нам Спарты всегда были чужды простому народу, — Перикл вернул своему голосу жёсткий лидерский тон, выработанный годами политической борьбы. — Не в этом ли истинная причина его решения?

— Я не знал более преданного гражданина Афин, чем Кимон, — неожиданно вступил в разговор Софокл. — Простой народ почитал его как героя, гонителя варваров. Он мог бы стать тираном в своё время, но это было бы противно его сути.

В серьёзных глазах Софокла уже не было и капли хмельного веселья.

— Кимон всегда считал, что нет ничего сильнее воли свободных людей. Хотя был аристократом до мозга костей — он любил народ и даже убрал ограды своих садов ради бедняков-фетов.

— Не оттого ли ты, Софокл, так боготворишь Кимона, что в своё время он поддержал деньгами постановку твоей первой трагедии? — ответил Перикл тихо, повернувшись к нему. — У тебя к нему свой личный долг, и он не имеет отношения к Афинскому полису.

Затем он обвёл взглядом присутствующих. Я с детства знал эту паузу — она означала, что сейчас скажет главное.

— Спарта давно перестала быть союзником Афин. Теперь их союзник — наш вечный соперник Коринф. Именно от их союза исходит главная угроза нашему благополучию.

Речь его была чёткой и ясной, как на Пниксе.

— Они поддерживают власть меньшинства богатых граждан в полисах Эллады, мы — власть большинства. Мы на войне с олигархами Самоса, которые, к тому же, заигрывают с персами. Давайте не будем спорить на радость нашим недругам. Ведь мы защищаем здесь Афины и Морской союз.

— Но разве возможность отстоять своё мнение в диалоге не есть одна из основ строя, который мы здесь защищаем? — задумчиво произнёс Софокл.

В этот момент за стенами шатра послышались звуки тревоги. Все, кто был в шатре, не мешкая, выскочили наружу. Подбежал крепкий коренастый мужчина во льняном доспехе. Я видел его и раньше рядом с Периклом — звали его Клеарх. Он был помощником стратега и, как выяснилось впоследствии, тихим исполнителем его спорных решений.

— Стратег, поспеши, — коротко и чётко, без церемоний, обратился Клеарх к Периклу. — Возле большого мола на наш заслон напал самосский флот.

Участники пиршества поспешили к своим кораблям, выгоняя из головы остатки дара Диониса.

* * *

Ночью афинский флот отбил безумную, как нам тогда казалось, вылазку самосцев. Десять их кораблей афинские триеры заслона повредили и вынудили вернуться в гавань под защиту лучников. Но пять самосских кораблей сумели вырваться и уйти на восток, оставив преследовавшим их афинянам четырёх моряков, упавших за борт после резкого манёвра.

После этой небольшой победы перед палаткой Перикла собралась большая толпа из незанятых в караулах воинов. В центре гудящей толпы, в дрожащем свете факелов, стояли четверо пленников, выловленных из воды. Они ёжились и прижимались друг к другу — то ли от холода, то ли от близкого вида направленных на них наконечников копий. Вода стекала по их отрешённым лицам, отражая костры стоянки. Они не просили пощады. Ни один из них не выказывал страха или покорности. Их молчание злило наших воинов больше, чем крики гнева или отчаяния. К тому же богатые морские доспехи выдавали во взятых в плен людях высокого сословия. А один из пленников, судя по пёстрой одежде, вообще был персом.

Перикл подошёл к ним и внимательно их осмотрел. Остановившись напротив пленника в иноземном платье, спросил его по-персидски:

— Кто ты и как оказался среди наших врагов?

Перс ответил на хорошем ионийском — без вызова, но с достоинством:

— Меня зовут Гигес. Я лидиец. Слуга Писсуфна, сатрапа Сард. На Самосе я гость. Но я не враг афинянам. Между Царём царей и элинами мир. Отпустите меня.

По едва заметному кивку Перикла Клеарх сильно ударил лидийца в спину древком копья:

— Варвар, мы можем отпустить тебя там, где выловили. Ведь Посейдон может разгневаться на то, что мы забрали его дар, а нам ещё возвращаться домой.

Толпа вокруг одобрительно захохотала.

— Расходитесь, чего вы тут собрались! — громко крикнул Клеарх.

Воины, ворча, нехотя стали покидать площадку, разбредаясь к своим кострам и палаткам.

Гигес распрямылся после удара, чуть морщась от боли, и сказал тихо по-персидски:

— Если мудрый Ормузд решит меня утопить, я утону и в ручье.

— Возможно, это злой Ариман вытащил тебя из воды, — тоже по-персидски, снисходительно улыбнувшись, сказал Перикл. И добавил по-гречески: — Ты ещё пожалеешь, что не утонул... Ведите его в шатёр.

Когда Гигеса заводили в шатёр, я услышал, как Перикл негромко сказал Клеарху:

— Вытяни всё из самосцев.

Я тихонько зашёл в шатёр — стоял у самого входа. Охранники пропустили меня вместе с триерархами, свободными от службы: видели меня на пирушке.

В шатре было тесно. Рабы стратегов уже успели убрать остатки симпозиума и долили масло в лампы. Мы обступили полуколосьем Перикла и пленника. Перикл сел на своё ложе, поднял руку и обвёл взглядом присутствующих, дожидаясь тишины. Затем по-гречески обратился к стоящему перед ним связанному лидийцу:

— Уже десять лет договору с царём, и мы честно соблюдаем его, сдерживая горячие головы. Царь царей Артаксеркс — мудрый правитель и не очень любит воевать без нужды... Но, может быть, его шурин Писсуфн, твой господин, взбунтовался и идёт против царских договоров? Говори, Гигес, какое у тебя задание на Самосе. Скажешь правду — отвезу в Милет и даже дам золото. Солжёшь — вернёшься в море. А чтобы решение Ормузда было продуманным и правильным, велю не давать тебе уйти на дно слишком быстро.

Гигес ответил на угрозу спокойно:

— Я ни в чём не виновен, стратег. Я лишь глаза и уши Писсуфна. А самосцы, с которыми вы меня схватили, пообещали доставить меня до Лидии.

Он глубоко вздохнул и продолжил:

— А насчёт помыслов моего господина скажу так. Я не маг и не читаю мыслей великих этого мира. Знаю только, что Писсуфн был против мира с эллинами. В бою с Кимоном погиб его брат. Он ищет любую возможность отомстить грекам, и особенно афинянам. Кое-кто из нынешних правителей Самоса обещал ему, что остров присягнёт Царю, если тот поможет разбить афинян.

Триерархи, услышав это, загудели.

— Но Писсуфн чтит волю Артаксеркса и не захочет начинать войну без указа Царя царей.

Посмотрев Периклу в глаза, Гигес продолжил по-персидски — очень тихо, так что нам, стоявшим поодаль, пришлось прислушиваться. Я учил этот язык с педагогом и теперь напряжённо ловил смысл между полузабытыми словами.

— Писсуфн богат. Он заплатит тебе откупные за Самос и покроет твои расходы на этот поход. Ты вернёшься в Афины с крупной добычей, как победитель.

Гигес настороженно оглянулся.

— Моя жизнь немного стоит. Но если ты решишь прекратить войну, я сообщу Писсуфну об этом мудром решении и передам твои условия.

— Нет, — после короткой паузы по-гречески ответил Перикл. — Я не сошёл с ума заключать сделку с Цербером. Не верю ни тебе, ни твоему господину. Если мы закончим войну сейчас, то навсегда потеряем восток Эгейского моря.

Гигес гордо выпрямился, словно оскорбившись.

— Что же... Не хотел этого говорить — ты мог принять это за угрозу. Но, видимо, деваться некуда. Ведь как ещё мне заслужить твоё доверие? Писсуфн нанял финикийский флот и идёт на Милет. А после пойдёт на Самос.

Перикл на миг нахмурился и, ухмыльнувшись, сказал небрежным тоном:

— И сколько же он приведёт? Только не лги, варвар.

— Много, стратег. Не меньше сотни финикийских боевых кораблей. Флот должен быть уже у Карики. У вас немного времени.

Перикл задумался на мгновение, затем встал, подошёл к Гигесу вплотную и спросил, глядя ему в глаза:

— Почему же я должен верить тебе, варвар?

— Можешь не верить, — Гигес не отвёл глаз. — Но стратег Самоса Стасагор уже плывёт к Писсуфну. После того как он сообщит о сохранившемся боевом флоте Самоса и назовёт количество ваших кораблей, он убедит Писсуфна, что удача на их стороне. Прислушайся к моим словам. Писсуфн изнежен и побаивается войны с эллинами. Но возвращение Самоса Царю царей очень благотворно повлияет на его значимость при дворе. Он опытный правитель — поймёт выгоду сделки, заплатит Афинам и забудет обиды.

По кивку Перикла Гигеса повели из шатра. Готов поклясться, что я увидел лёгкую ухмылку на его лице, когда его проводили мимо. Уже на выходе он крикнул через плечо:

— Подумайте над моим предложением, афиняне. Ещё не поздно.

Перикл тревожно оглядел присутствующих и сразу встретился с пылающим взглядом Лакедемония:

— Отдать города варвару — значит продать эллинов в рабство. За их свободу пролито немало крови афинян.

Триерархи загудели. Один из них — заслуженный и уже пожилой Аполлоний — поднял руку, призывая прислушаться к осторожности:

— Стратеги, будьте внимательны. Этот варвар может врать и готовить нам ловушку. Мы уйдём искать флот, которого может и не быть, а самосцы выиграют время, подготовятся к осаде и заключат союз со спартанцами или персами.

— Пока мы будем гадать под стенами Самоса, персы покорят союзный нам Милет, — горячо ответил ему Софокл. — И какой будет смысл в нашей победе после этого?

Дебаты длились всю ночь. Во время них Клеарх сообщил Периклу, что пленных самосцев, выловленных вместе с Гигесом, допрашивали и пытали поодиночке — но каждый из них говорил одно и то же: самосский стратег Стасагор прорвался навстречу финикийскому флоту.

На утро стратеги вынесли решение: осада продолжится под руководством Софокла, флот разделится. Перикл с частью кораблей пойдёт навстречу финикийцам. В Афины отправят гонца за подкреплением.

Глава 3

Перикл увёл шестьдесят триер уже на следующий день. Под стенами Самоса осталось ещё столько же. Этих сил хватало, чтобы запереть бухту, и город по-прежнему оставался в осаде.

Городские стены, выходящие к морю, контролировались нами, но стена вдоль склона горы, на которой раскинулся город, оставалась без надзора. Поэтому стратеги решили организовать конное патрулирование вдоль этой стены — и наконец всадникам нашлось достойное дело. Благо, в местных поместьях мы собрали с десятков верховых лошадей.

Однажды конный отряд, в который я попал, огибал вражескую стену по дикому кедровому лесу на противоположной от моря стороне горы. Мы долго ехали среди огромных деревьев, вдыхая хвойный аромат и слушая весенний гам птиц. Не было никаких признаков людей. Ни хижин охотников, ни срубленных топором деревьев — только зеленое царство Артемиды.

В какой-то момент мы всё же наткнулись на тропинку, которая привела нас к небольшому озеру. На берегу, у большого камня, стояла старуха в чёрном плаще. Она не бежала. Она слушала. Казалось, её интересовали не мы, а храп наших коней.

— Что ты здесь делаешь, женщина? — крикнул ей Архип, старший в нашем отряде.

— Я вышла подышать лесным воздухом и послушать птиц, — беззаботно ответила старуха неожиданно чистым голосом.

— Откуда вышла? Из Аида? — успокаивая жеребца, тихо пробормотал Фидий, немолодой и бывалый всадник.

Потом, повернувшись к нам, добавил вполголоса:

— Слушайте, может, это лампада, нимфа Гекаты? Странно, что вылезла на свет днём. Видимо, совсем из ума выжила.

— Что ты несёшь? — ухмыльнулся Критий и покосился на меня.

— Архип, поехали отсюда, — не глядя на Крития, сказал Фидий. — Что нам здесь делать?

— Поехали, — нехотя скомандовал Архип, разворачивая коня.

Мы продолжили свой путь. Я оглянулся. Старуха всё так же стояла у камня и слушала. Если бы я знал тогда, что это была за старуха...

* * *

Через неделю после ухода Перикла, ближе к полудню, у бухты Самоса появилась триера. Дозорные сообщили: прибыли глашатаи экехейрии — Олимпийского перемирия. Софокл приказал пропустить триеру к берегу и лично вышел навстречу высадившимся трём жрецам Зевса.

После недолгих переговоров жрецов впустили в город. Оставив своё послание и даже не отпустив гребцов на берег, они вскоре двинулись дальше на запад, в сторону Милета.

Экехейрия связывала руки обеим сторонам. Нарушить её — навлечь на себя гнев Громовержца и осуждение всей Эллады. Необходимо было провести переговоры.

Ближе к вечеру ворота города открылись, и оттуда вышли трое знатных воинов. Софокл вышел к ним с оливковой ветвью, в сопровождении Геннадия и Лакедемония.

Переговорщики сошлись на середине — на половине прицельного полёта стрелы от каждой из сторон. Один из самосцев — невысокий, но плотный воин лет сорока, с внимательными чёрными глазами и доброжелательной полуулыбкой на губах — заговорил громко и чётко.

Мой хороший слух позволил разобрать его слова с такого расстояния. И я чувствовал их вес.

— Я — Мелисс, стратег Самоса. Со мной — Атрей и Кефалос. Мы пришли ради экехейрии. Зевс запрещает элинам воевать во время Игр. Вы соблюдёте его закон?

Голос Софокла не потерял ещё своей силы.

— Я — стратег Софокл. Со мной — Геннадий и Лакедемоний. Да, мы соблюдем закон Зевса, если и вы его соблюдёте.

Неожиданно заговорил Геннадий, не дав Софоклу продолжить:

— Стратег, но перемирие может быть уловкой. Самосцы тянут время.

Ему гневно ответил тот, кого Мелисс назвал Атреем:

— Это закон Зевса. Но вам ли блюсти законы богов после того, как вы украли деньги Морского союза из храма Аполлона?

— Вам ли, мечтающим стать рабами варваров, рассуждать о Зевсе, — не остался в долгу Геннадий. — Зевс любит истинных эллинов, любящих свободу и защищающих его храмы.

Атрей явно свирепел:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.